

ЛИТЕРАТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ИМПЕРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ*

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

Нации — это сравнительно поздний вид групповой самоидентификации. В его создании участвуют культурные элиты данного сообщества, формирующие тот «национальный миф», который выполняет консолидирующую функцию и лежит в основе любой национальной самоидентификации¹. Б. Андерсон подчеркивал роль «печатного капитализма» в этом процессе, сделав основной упор на газеты. С нашей точки зрения, не менее существенна художественная литература, которая является одним из важнейших средств строительства «национального мифа». Писатель — это одновременно и носитель мифа, и его создатель. Художественная литература — не этнографическое описание, и национальные образы строятся, конструируются в ней не столько на основании бытовых впечатлений о том или ином народе, сколько исходя из общих мировоззренческих установок, из литературной традиции и, наконец, из поэтики конкретного текста. Писатель отталкивается от стереотипов, созданных до него, и вносит в них свои изменения. Он конструирует образы, которые воспринимаются читателем как нечто органичное, почти что реально существующее или, по крайней мере, возможное в реальности². Так,

---

* Статья написана в рамках гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе».

¹ О роли «национального мифа» в формировании нации и о средствах его создания см.: [Андерсон].

² Зачастую именно писатели становятся в глазах общества «отцами нации». На раннем этапе национального пробуждения эстонцев бесспорными лидерами нации были писатели Ф. Р. Фельман, Ф. Р. Крейцвальд, Л. Койдула, К. Р. Якобсон и др. Здесь и далее в центре нашего внимания будет эстонская культура.

на формирование национального самосознания эстонцев и даже на появление самоназвания *Eestlane* (эстонец), вместо прежнего *maamees* (мужик), или *Undeutsche*³ огромное влияние оказала поэма Ф. Р. Крейцвальда «Калевипоэг» (1857–1861), которая стала восприниматься как исконный национальный эпос:

Эпос этот долгое время считался народным эпосом, наравне с Гомером, финским «Калевала» и пр., но это было недоразумение. Крейцвальд заимствовал материал из эстонских песен, сказок, преданий, «но сам Калевипоэг, каким он является в поэме, есть создание Крейцвальда <...> Народные предания знают о Калевипоэге только, что он отличался необыкновенною физическою силою и вел борьбу с нечистыми духами», автор присоединил идею возмездия [Отечество: 83].

Не менее важна и репрезентирующая функция национальной литературы, представляющей свой народ, так сказать, внешнему наблюдателю, поэтому степень ее доступности на иных языках, кроме родного, также становится важным фактором национального строительства. В условиях империи, когда национальным меньшинствам необходимо отстаивать свои позиции и доказывать свою культурную самостоятельность⁴, литература того или иного народа становится мерилom его зрелости, а его будущее во многом зависит от презентации его культурных достижений на общегосударственном уровне и на государственном языке.

Кроме того, поскольку в литературе в целом каждый народ существует как бы в нескольких «конкурирующих» зеркалах: в зеркале собственной национальной литературы (которая создает «портрет» нации) и одновременно в литературах других (в первую очередь, соседних) народов, от того, какой образ окажется более влиятельным, также зависят перспективы национального строительства.

---

³ Так именовали эстонцев прибалтийские немцы (остзейцы).

⁴ Что, в свою очередь, является первым шагом в борьбе за национальное самоопределение и собственную государственность.

Как известно, в Российской империи и в правительственной политике, и в общественном сознании с середины XIX в. постоянно боролись две (по сути своей — взаимоисключающие) концепции: идея многоэтничности (подчеркивание обилия наций и народностей, населяющих страну⁵) и идея моноэтничности (доминирования единственно полноценной титульной нации, с которой другие, в конечном итоге, должны слиться). Выход в свет такого научно-популярного труда, как «Живописная Россия...» [Живописная], содержавшего богатые сведения не только об этнографии, фольклоре, но и о современной литературе и культуре описываемых народов⁶, а также появление множества других изданий, прямо нацеленных на знакомство с национальными литературами, должны были закрепить в сознании русского общества мысль о существовании достойной внимания словесности национальных меньшинств и о возможности вписывания их в понятие всемирной литературы⁷.

⁵ Этим имперским, в точном смысле слова, принципом руководствовалась еще Екатерина II, поощряя научные экспедиции для изучения окраинных народов России, а также издание трудов, вроде знаменитой книги И. Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (1776–1777). В научном отношении эти труды были продолжены Русским Географическим Обществом (основано в 1845 г.). Вряд ли следует оговаривать, что они также часто стимулировались политическим заказом и использовались в идеологических целях. К научным прибавились и краеведческие проекты. Издавалось и множество тенденциозных псевдонаучных брошюр (см., в частности: [Брюгеманн; Лескинен; Вишленкова]).

⁶ Сказанное не исключает тенденциозности изложения — описываемые культурные достижения национального меньшинства часто служат доказательством мысли о благотворной роли имперского центра и титульной нации в этом процессе.

⁷ См. характерный проект библиографа и переводчика Н. И. Бахтина (1866–1940), задумавшего серию «Маленькая антология» из 25 книг, из которых девять вышли в свет в 1895–1905 гг.: «Китай и Япония в их поэзии», «С чужих полей», «Мадьярские поэты»,

По мере углубления официальной политики русификации, идея того, что в России *много* национальных языков и литератур, становилась политически все более острой. Поэтому для идеологов, оппозиционных официальному курсу, было важно привлечь художественную литературу к своим построениям. Далее речь и пойдет о двух таких проектах, возникших на закате Российской империи.

Один из них — одновременно национальный и имперский — был представлен в 1916 г. в сборнике «Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос», вышедшем в Петрограде (цензурное разрешение 11.03.1916) [Отечество]. Инициаторами и редакторами этого издания были знаковые фигуры: академик-лингвист И. А. Бодуэн де Куртене, лидер кадетской партии князь П. Д. Долгоруков, профессора-юристы — Н. А. Гредескул и В. Н. Сперанский, а также литератор и борец за права евреев Б. А. Гуревич. Трое из редакторов (Бодуэн, Гредескул и Гуревич) и еще знаменитый невропатолог акад. В. М. Бехтерев написали программные статьи⁸, составившие первую часть сборника.

Российская империя в том виде, в каком она существовала на протяжении своей истории, вызывала у авторов серьезную критику. Однако они не полагали, что выход из социальных и политических проблем мог быть найден в развале и ликвидации *империи*, их идея заключалась в преобразовании ее в новое демократическое государство, которое станет «отечеством» для всех живущих в ней народов. Соответственно, на

«Поэты Финляндии и Эстляндии», «Поэты Швеции», «Французские поэты», «Словацкие поэты», «Словинские поэты», «Песни ста поэтов. Японская антология». Для нас важно, что эстонская и финская поэзия [Поэты] соседствуют здесь с восточной и французской.

⁸ Перечислим их заглавия, которые дадут некоторое представление об идеях книги: «Россия — творимая нация» (Гуревич), «Русский национализм и славянство» (Бехтерев), «Возможно ли мирное сожительство разных народностей в России» (Бодуэн), «Россия и ее народы» (Гредескул). Об этой части сборника см.: [Киселева 2011].

свободной основе будет создана и новая имперская идентичность. Эпиграфом к книге послужили слова Бодуэна де Куртене из другого сборника 1916 г. — «Эсты и латыши, их история и быт»⁹: «Как в голове одного человека, точно так же в любой стране могло бы уживаться рядом несколько языков, спокойно и дружно, и относиться друг к другу с полной терпимостью». Собственно, здесь и выражен основной программный тезис сборника «Отечество».

Авторы считали многонациональность Российской империи ее великим преимуществом перед мононациональными государствами. Однако, с их точки зрения, преимущество это до сих пор не использовалось властями. Более того, по мнению инициаторов издания, национальная политика правительства, основанная на подавлении национального достоинства, насильственной ассимиляции (русификации) населяющих страну народов, была контрпродуктивна и опасна. Авторы полагали, что если отказаться от силового давления, то можно будет мобилизовать имеющийся богатый культурный потенциал всех наций для их мирного и счастливого содружества — именно так они понимали новую имперскую идентичность.

Исторический контекст никак не способствовал подобному ходу мыслей. В период Первой мировой войны страна была охвачена антинемецкой истерией, ксенофобией и шпиономанией¹⁰. К массовому психозу «разоблачения» внешнего и внутреннего врага в обществе подключились антисемитские настроения, а также подозрения в адрес беженцев из западных регионов — поляков, литовцев, латышей, эстонцев. Подогреваемая прессой, близорукими действиями властей, плохо просчитывавшими последствия собственных пропагандистских шагов по мобилизации нации, эта атмосфера стала благодатной почвой для всеобщей подозрительности, отчуждения от власти и, в конечном итоге, — для развала империи и победы

---

⁹ О нем см.: [Киселева 2009].

¹⁰ См. замечательные исследования Б. И. Колоницкого [Колоницкий] и Уильяма Фуллера [Фуллер], которые на большом фактическом материале описали эту атмосферу.

большевиков¹¹. Немногие политики и общественные деятели смогли тогда противостоять этим настроениям. Именно в таком контексте и появился интересующий нас сборник, каждой своей строкой противостоящий подобному дискурсу.

Основа концепции издания, как уже было сказано, — конструкция новой имперской идентичности. С точки зрения авторов, преимущество империи как многонационального государства, в отличие от унитарного, — в ее самодостаточности, и это обеспечивается разнообразием наций, языков и культур. Однако не только государство, но и народы, его населяющие, могут выиграть от этого многообразия региональных особенностей (природных и культурных) — путем взаимного обмена и обогащения. Вместе с тем, это окажется возможным лишь в том случае, если удастся решить национальный вопрос. Лейтмотивом издания является мысль о том, что имперское строительство должно стать строительством национальным. Для решения национального вопроса, для сближения живущих в России народов и было предпринято издание сборника «Отечество».

К первой — теоретической — части примыкает вторая, как бы «иллюстративная», своего рода практическое доказательство верности исходных принципов. Это 500-страничная антология произведений из разных национальных литератур (литератур меньшинств). В обращении редакторов говорилось о необходимости «ознакомить широкие круги русского общества с теми бесчисленными культурными ценностями, которые накоплены вековой работой национальностей России».

В антологии представлены в русских переводах образцы финской, эстонской, латышской, литовской, польской, малорусской или украинской (знаково употреблены оба наименования!), еврейской (на иврите и на идише), польской и грузинской литератур. Каждый раздел снабжен квалифицированной вступительной статьей. Планировался и второй том, где должны были появиться образцы белорусской, мусульманской (так!), караимской, армянской, новейшей грузинской

---

¹¹ См. подробнее о последствиях «негативной интеграции общества»: [Колоницкий: 574].

и дополнительные обзоры и переводы польской, еврейской, «малорусской», литовской и др. литератур. Издатели надеялись выпустить и английское издание сборника, но этим планам уже не суждено было осуществиться.

Таким образом, по мысли инициаторов «Отечества», литература и культура могли и должны были стать противовесом политике русификации, разрушающей многонациональное государство и ставящей русский язык и культуру в ложное положение. Как писал Бодуэн де Куртене, в новом отечестве «нет господствующего русского народа; нет подчиненных ему неполноправных народов» [Отечество: 23]. «Поляк, литовец, еврей, татарин, армянин, грузин — может любить русский язык в такой же мере, как и свой родной», а «ненависть по отношению к какому-нибудь языку является пережитком дикого состояния, является перенесением своеобразного религиозного фанатизма в область нововекового общежития» [Там же: 25].

Итак, задача антологии, как будто бы, прикладная: наглядно проиллюстрировать культурные преимущества многонациональной страны. Однако — что знаменательно — решение задачи было связано с признанием *эстетической ценности* литератур других российских народов. Таким образом, литература выступает в антологии как искусство, а не как публицистика.

Есть и еще одна сторона, или третья составляющая проекта. Именно антология была призвана продемонстрировать, что в России существует не только великая русская литература, но и значительные, развитые, богатые *другие* литературы, без знания которых так же невозможно составить представление о культуре своей страны, как и без русской. Закладывались основы новой культурной парадигмы, новой системы эстетических ценностей, оппозиция «свое» — «чужое» получала (точнее — должна была получить) новое наполнение.

Однако у этого проекта, исходившего от конституционно-демократической партии, имелся «конкурент». В это же самое время, в том же городе Петрограде, развивался параллельный проект издания сочинений национальных меньшинств России. Он был задуман и воплощен М. Горьким, основавшим весной 1915 г. на собственные средства издательство «Парус». Про-

грамма его была очень широкой (Горький давно лелеял мечту об организации универсального издательства). В качестве девиза был выбран стих Некрасова «Сейте разумное, доброе, вечное», и под этим девизом осуществлялось печатание и философских, и естественнонаучных, и политических сочинений, и художественной литературы, а также собственного журнала «Летопись».

Среди многих начинаний этого замечательного издательства был и проект издания антологий национальных литератур. К их составлению и редактированию был привлечен В. Я. Брюсов, выступавший и в роли переводчика (сначала эта роль была предложена И. А. Бунину, но он отказался — см.: [Голубева: 166]). Для Горького издание подобной серии было давним замыслом. Он задумал ее еще в 1900-е гг., в издательстве «Знание», где предполагал напечатать сборники еврейской, грузинской, татарской, польской, латышской, армянской литератур [Пиксанов: 110–111]. Тогда этот замысел не осуществился, да и «Парус» успел выпустить только три сборника: армянский [Армянский] (цензурное разрешение 4.03.1916), латышский [Латышский] (цензурное разрешение 21.11.1916), и финский [Финский] (1917). Планировалось охватить очень многие литературы, но этим планам (как и продолжению «Отечества») помешала революция.

Любопытно, что в горьковских документах ничего не упоминалось об эстонском сборнике, однако С. Г. Исакову удалось установить, что такой сборник все же задумывался. Его составление было поручено Густаву Суйтсу¹². Б. Линде, ведший с Горьким переговоры, даже утверждал, что сборник был готов, хотя никаких его следов не сохранилось. Однако все же в газете «Постимеэс» 14.05.1916 г. появилось сообщение о планируемом «эстонском альманахе» на русском языке, к состав-

---

¹² Характерно, что посредником в переговорах с Г. Суйтсом, жившим тогда в Хельсинки, являлся лектор русского языка и библиотекарь Гельсингфорского университета, член РСДРП В. М. Смирнов, который организовывал транспортировку нелегальной литературы через Финляндию в Россию [Исаков: 10–11].

лению которого были привлечены Г. Суйтс, Ф. Туглас и Б. Линде [Исаков: 14]. Горький заказывал и статью об эстонской литературе «с общественным уклоном», написание которой Суйтс собирался поручить П. Руубелю [Там же]. Были составлены и доставлены Брюсову для перевода подстрочники эстонской лирики (их тексты также не сохранились). И все же С. Г. Исаков смог реконструировать возможный состав эстонского сборника по аналогии с другой, эстоноязычной, антологией Суйтса “Eesti Lugemisraamat”, вышедшей в Хельсинки в 1916–1919 гг. [Там же: 16–18]¹³.

Предприятие Горького было гораздо более широкомасштабным, чем у деятелей «Отечества». Каждый из его сборников по объему приближался к их антологии, включавшей восемь литератур. «Парус» привлек к переводам лучшие силы: В. Брюсов, А. Блок, В. Иванов, С. Шервинский, В. Ходасевич, Ю. Верховский, Л. Рейснер и др. Деятели «Отечества», насколько можно судить, новых переводов для антологии не заказывали, перепечатывали то, что имелось в наличии. Для отбора текстов при горьковском «Парусе» составлялись так называемые национальные комитеты [Голубева: 166], т.е. отбор осуществлялся носителями культуры. Однако состав этих комитетов, как и выбор авторов вступительных статей, был довольно специфическим.

Постараемся более детально сопоставить два проекта — «Отечества» и «Паруса». Между ними было много общего: оба пытались противостоять ксенофобии, хотели привлечь внимание к культуре, показать эстетическую ценность литератур российских национальных меньшинств и дать представление об их развитии от истоков до современности. Тем не менее, различия были гораздо более фундаментальными, и касались они идеологических установок.

Кадеты были сторонниками войны до победного конца и надеялись на солидарность всех народов России в ее продол-

---

¹³ В статье С. Г. Исакова восстанавливается история знакомства Горького с Эстонией и эстонской культурой, а также финские контакты деятелей эстонской культуры в 1900–1910-е гг.

жени. Они исходили из презумпции сохранения империи, хотя и на новой, демократической и свободной основе. Сепаратизм они считали непродуктивным и стремились доказать, что путь взаимного обогащения будет более выгодным для национальных культур, чем курс на отделение от общего целого. Своих сотрудников для антологии — составителей разделов и авторов историко-литературных статей — издатели «Отечества» набирали в академических кругах. Это были университетские преподаватели или ученые — лингвисты, литературоведы, этнографы, фольклористы: акад. В. Н. Перетц, Эдуард Вольтер, Яан Йыгеве, Карл Тиандер, Иван Кипшидзе, Иосеф Клаузнер, Исидор Эльяшев, Николай Державин. Конечно, они были прекрасными знатоками своего предмета, но не всегда обладали «острым пером», которое необходимо для популярных и пропагандистских изданий. Хотя в целом все они придерживались общих установок «Отечества», однако жесткого идеологического контроля внутри сборника не существовало, и авторы были достаточно автономны в своих суждениях. Например, Карл Тиандер в статье о финской литературе дает ясно понять, что ее будущее зависит от европейского (а не от русского) контекста, от того, насколько удастся сохранить «шведский элемент», обеспечивающий Финляндии положение «старинного северного моста между Востоком и Западом» [Отечество: 26]. Цензура недаром вымарала финал его статьи. В начале Тиандер с сожалением говорит о родичах финнов — мордве, черемисах, — которые остались внутри России, вдали от европейской культуры, в первобытной дикости, и это вполне прозрачно указывает на отношение автора к российскому контексту.

Вступительные статьи в горьковских сборниках гораздо более радикальны. Их авторами, как и членами так называемых национальных комитетов были, в основном, марксисты или околomarксистские деятели, проводившие *антиимперские* идеи. Само издательство «Парус» имело репутацию крайне левого и оппозиционного, в основном, из-за последовательного антивоенного и антимилицаристского курса. Горький был решительно настроен против войны, поэтому в большевист-

ских кругах он воспринимался как «свой», а его издательство — как большевистское. Большевики и другие радикалы часто подвергали «Парус» и журнал «Летопись» критике за «отступления» от «единственно верного» курса, однако как раз «ошибки» («просветительство», увлеченность культурой) обеспечивали Горькому широкие литературные контакты, а его издательству — успех.

Все же в «национальном проекте» «Паруса» идеология давала о себе знать весьма ощутимо. В результате образовался зазор между группой переводчиков (которых приглашал, в основном, Брюсов) и теми, кто формировал список текстов для переводов и идеологию раздела. Например, как показала О. Д. Голубева, латышский национальный комитет вообще не включил в антологию стихов модернистов. Брюсов выступил со встречным предложением перевести произведения литераторов «нового искусства» — Эглитса, Фаляя. С кандидатурой В. Эглитса комитет так и не согласился (выбрав Я. Акуратера), Фаляя принял, зато добавил двух рабочих поэтов. Брюсов настаивал на том, что «у латышей-поэтов есть произведения более сильные, более яркие, более ценные, чем те, которые переведены или переводятся»¹⁴. Он выбирал тексты, исходя не из общественно-политической их значимости, а художественной ценности. Получился «конфуз» со стихами Райниса: национальный комитет хотел представить его как революционера, а Брюсов, который его переводил, отобрал лирические стихотворения [Голубева: 168]. В результате переговоров вместо изначально предложенных комитетом восьми поэтов в «Сборнике латышской поэзии» оказалось представлено 16 (от «младолатышей» до современности).

Надо отдать должное вступительной статье социал-демократа Яниса Янсонса-Брауна «Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература». Она, несмотря на всю тенденциозность и «марксистскость», написана ярко и концептуально. Думается, не случайно А. Упит в 1930 г. вспомнил о ее положительной роли в популяризации латышской

---

¹⁴ Письмо Брюсова в издательство цит. по: [Голубева: 168].

культуры [Голубева: 170]. Статья Янсонса давала читателю большой (но разумно дозированный) фактический материал о развитии латышской культуры от фольклора до современности. Автор не идеализировал ее достижений. «Правда, — писал он, — латышская культура еще молода и бедна, литература не может сравняться с литературой родины Ибсена», и все же как «латышский край уже не представляет собой глухого, снегом занесенного провинциального угла» [Латышский: 31], так и литература «переросла рамки этнографического рассказа» [Там же: 1].

Э. А. Вольтер, писавший о латышской литературе в антологии «Отечества», был поставлен в совсем иные условия — видимо, он был очень ограничен в объеме (его очерк в четыре раза меньше, чем у Янсонса), поэтому он отослал читателей к своей статье на ту же тему в энциклопедии Брокгауза-Ефрона и обещал продолжение во втором томе «Отечества». На малом пространстве текста Вольтер пытается упомянуть о многом, но связного запоминающегося рассказа у него не получилось. Тексты также представлены довольно однобоко: два рассказа Яна Порука, два его стихотворения, 10 стихотворений Райниса (в том числе, в переводах В. Эглитса и Э. Вирзы) и несколько народных «четверостиший» в переводе того же Эглитса.

Эстонская литература представлена в антологии «Отечества» гораздо более ярко. Составитель раздела и автор вступительной статьи Яан Йегеве (Jaан Jõgeveг, 1860–1924), или, как называли его по-русски, Иван Егеве — лектор эстонского языка (1909–1918) Юрьевского университета, один из основателей эстонского Тартуского университета и первый его профессор эстонского языка¹⁵. Как и многие православные эстонцы, он получил образование в Рижском духовном училище и семинарии, потом окончил Тартуский университет как сла-

---

¹⁵ П. Аристе в обзорной статье о преподавании эстонского языка и о развитии финно-угроведения в Тартуском университете дает в целом положительную, хотя и сдержанную оценку его деятельности на посту лектора, а затем профессора эстонского языка (см.: [Ariste: 97–98]).

вист. В 1907 г. стал одним из основателей «Общества эстонской литературы», а в 1906 — инициатором и первым издателем журнала «Эстонская литература». Он, как и Вольтер, являлся автором соответствующей энциклопедической статьи в словаре Брокгауза-Ефрона, но со своей задачей в «Отечестве» справился, на наш взгляд, гораздо лучше.

Статья Йыгевера называется «Краткий очерк истории эстонской литературы», и название это концептуально¹⁶. Она подразделяется на параграфы, имеющие выделенные шрифтом названия: «эстонский народ», «время владычества немецкого ордена в Лифляндии», «народная словесность» и т.д., вплоть до последнего — «XX-е столетие». Структурированность текста, безусловно, облегчает восприятие и диктует определенный ритм чтения. Кроме того, статья написана живо, с личным одушевлением, но без полемических выпадов, свойственных статье Я. Янсона, о которой шла речь выше.

Концепция Йыгевера во многом близка к той, что была выражена в эстонской части сборника «Эсты и латыши, их история и быт»: весь путь эстонского народа изложен как путь к успеху, к европейской цивилизации, через противостояние немецкому господству. Правда, это не мешает Йыгевеу отмечать заслуги немецких пасторов в развитии эстонского языка и письменности.

Для нашей темы ценно то, что Йыгевеу четко описывает те способы, которыми создавалась неомифология и новый национальный эстонский миф. Назвав Ф. Р. Фельмана «отцом новой эстонской литературы», он пишет:

Вполне добросовестно отыскивая в эстонских народных верованиях то, что он хотел в них находить, но чего на самом деле не было, дополняя это заимствованиями из финских источников, Фельман создал стройную, но не выдерживающую ныне никакой критики эстонскую космогонию и эстонский Олимп, представив все это в очень живых образах и оказал этим громадное влияние на всю последующую эстонскую литературу. Наиболее популяр-

---

¹⁶ В отличие от несколько аморфного заглавия статьи Э. Вольтера — «Латышская литература».

ный из этих созданий есть бог поэзии и музыки Ванемуйне, общий любимец эстонцев, образованных и еле грамотных, на тысячи ладов воспетый, и как-то с трудом верится, что из-за этого симпатичного образа выглядит не тысячелетняя древность, а богатая фантазия Фельмана [Отечество: 82–83].

Как показывает Йыгевек на примере Фельмана и Крейцвальда, именно личное творческое начало, конкретный автор стоят за национальным мифом и тем самым формируют идею нации, национальное самосознание.

Подборка литературных текстов в эстонском разделе ориентирована на современную литературу: рассказы А. Х. Таммсааре («Значительный день»), Э. Вильде («Аттестация старосты Карла»), Ю. Лийва («Обыденная история»), отрывок из драмы А. Кицберга «В вихре», лирические стихотворения Л. Койдула, А. Хаава, Г. Суйтса, К. Сээта и Ю. Лийва¹⁷. Она призвана продемонстрировать художественную полноценность, жанровое и стилистическое разнообразие молодой национальной литературы. Вместе с тем, подборка, по мысли составителя, должна раскрыть эстонский характер (стойкость, твердость перед жизненными невзгодами, чувство собственного достоинства, способность к глубоким любовным переживаниям), а также вскрыть социальные проблемы эстонского общества (отношение с господами-немцами, расслоение внутри самого крестьянства).

Однако литературе, по мысли Йыгевека, свойственна, говоря современным языком, не только консолидирующая функция в национальном строительстве, но и репрезентирующая. Литература становится проводником нации в мир большой европейской и мировой культуры. Недаром о «Калевипоэге» говорится: «единственное произведение эстонской литературы, перешедшее в мировую литературу» [Отечество: 83]¹⁸.

---

¹⁷ Подбор лирики отчасти совпадает с изданием [Поэты], однако переводы публикуются уже более совершенные.

¹⁸ Мысль о том, что именно развитие культуры обеспечит будущее нации, является продолжением теоретического раздела сборника

П. Олеск в статье, посвященной 150-летию со дня рождения Я. Йыгевера, назвал его национальным деятелем с чувством миссии [Olesk] и напомнил о его резком противостоянии социал-демократическим идеям. Йыгевер, действительно, служил национальной идее, но во всяком случае на момент написания статьи в августе 1915 г. был вполне солидарен с либеральной кадетской идеей преобразования империи. Свою статью он завершает рассуждением о будущем. Автор выражает уверенность, что когда «русский народ <...> свои права себе отвоюет», тогда эстонцы, «не выпрашивая подаяний из милости», будут «в праве рассчитывать на получение того и в той мере, чего и в какой мере они заслужили, соответственно вкладу, внесенному им в общую сокровищницу всех народов единой Российской Империи» [Отечество: 89]. То, что вскоре, когда ситуация резко изменилась, Я. Йыгевер, как и другие деятели эстонского национального движения, стали действовать по иному сценарию, вряд ли можно поставить им в вину. Именно негибкость и неумение идти навстречу меняющимся обстоятельствам привели русских либералов к поражению.

Имперский национальный проект потерпел неудачу. И дело не только в военных обстоятельствах, в вечной косности и самоубийственности российской правительственной политики, даже не в том, что «поздно спохватились» — протесты против русификации, как и издания разного рода сборников и антологий национальных литератур с 1880-х гг. имели место постоянно. Национальная идея обладает огромной консолидирующей силой, когда надо собрать воедино один этнос и создать из него нацию. Но в многонациональном государстве, как показывает история не только Российской империи, рано или поздно рождается много национальных идей. Проект кадетов, проект «Отечества», был утопическим и заранее обреченным на провал. Национальное и имперское строительство — это, как мы однажды уже подчеркивали [Киселева 2009: 337], *contradictio in adjecto*.

«Отечества» и проходит через многие литературные статьи — Тиандера о финской, Вольтера о латышской и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2002.
- Армянский: Сборник армянской литературы / Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1916.
- Брюггеманн: *Брюггеманн К.* Эстонцы в русских этнографических описаниях конца XIX века // *Acta et commentationes collegii Narovensis: Межкультурные контакты: история, методология, прагматика.* Нарва, 2006.
- Вишленкова: *Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.
- Голубева: *Голубева О. Д.* Книгоиздательство «Парус» (1915–1918) // Книга. Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12.
- Живописная: Живописная Россия — отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. В 19-ти кн. СПб., 1881–1901.
- Исаков: *Исаков С. Г.* О попытке М. Горького и В. Брюсова издать в 1916–1917 гг. сборник эстонской литературы // Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник. К столетию со дня рождения (1868–1968). Тарту, 1968. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 217).
- Киселева 2009: *Киселева Л.* Империя как пространство для национального строительства (на примере одного издания) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 337–360. *Humaniora: Litterae Russicae.*
- Киселева 2011: *Киселева Л.* Сборник «Отечество» как проект национального строительства империи (в печати).
- Колоницкий: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны. М., 2010.
- Латышский: Сборник латышской литературы / Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1916.
- Лескинен: *Лескинен М. В.* Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004.
- Отечество: Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанского. СПб., 1916. Т. 1.

- Пиксанов: *Пиксанов Н. К.* Горький и национальные литературы. М., 1946.
- Поэты: Поэты Финляндии и Эстляндии / Под ред. Н. Новича [Бахтин Н. И]. СПб., 1898. 160 с. Серия: Маленькая антология. № 13.
- Финский: Сборник финляндской литературы / Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1917. 490 с.
- Фуллер: *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- Ariste: *Ariste, P.* Eesti keele ja soome-ugri keelte õpetamisest ja uurimisest Tartu ülikoolis (1802–1952) // Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Tallinn, 1954. Vihik 35 (Ajaloo-Keeleteaduskonna töid).
- Olesk: *Olesk, P.* Asjadest ajalooliselt // Meie maa. Saare maakonna ajaleht. 2010. 5.07
<http://www.meiemaa.ee/index.php?content=artiklid&sub=2&artid=37131>